

Общепризнанные принципы и нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*: юридическая природа и иерархия в российской правовой системе

П. П. Кремнев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Кремнев, Петр П. 2021. «Общепризнанные принципы и нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*: юридическая природа и иерархия в российской правовой системе». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 783–802.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.318>

В публикации дан концептуально-теоретический анализ иерархии конвенционных и особенно обычно-правовых общепризнанных принципов и норм общего международного права применительно к Конституции и федеральному законодательству России. Указывается на отсутствие конституционных положений, устанавливающих юридическую силу обязательных для России правил общепризнанных международных обычаев по отношению к нормам законов РФ, а также на некорректность формулировки соответствующих положений Конституции РФ применительно к общепризнанным принципам и нормам международного права. Осуществлен правовой анализ вопроса о приоритете положений только ратифицированных договоров России над нормами законов РФ, приводятся примеры нарушений порядка ратификации договоров, показывается влияние правовых последствий таких нарушений на действительность международных договоров. Рассмотрены основные аспекты источников общепризнанных принципов и норм международного права, их юридическая природа и содержание; на конкретных примерах показано отличие норм и принципов *jus cogens* от обязательств *erga omnes*. Отмечены особенности некоторых правовых систем мира применительно к правовой позиции о верховенстве законов шариата над обязательствами ряда мусульманских государств по универсальным договорам о правах человека. Указывается на всеобщее признание отечественной правовой доктрины концепции десяти «основных принципов» в качестве общепризнанных принципов и норм международного права, закрепленных в Уставе ООН и Хельсинкском заключительном акте 1975 г. Обосновываются существование и закрепление в современном международном праве порядка десяти иных принципов и норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes*: недопустимость геноцида, военных преступлений, всеобщее запрещение химического оружия, запрещение пиратства, соблюдение принципа дипломатической неприкосновенности и др.

Ключевые слова: общепризнанные принципы, Комиссия международного права, нормы *jus cogens*, обязательства *erga omnes*, международные договоры, конституция, российское федеральное законодательство.

1. Введение

Утверждение «Международное право обязывает все государства действовать установленным образом» имеет право на существование лишь в одном случае —

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

применительно к общепризнанным принципам и нормам общего международного права. В самом общем виде к таким принципам и нормам относятся правила международных обычаев и положения международных соглашений, которые признаны практически всем международным сообществом государств в качестве обязательных для выполнения. В российской Конституции¹ установлено верховенство положений международного договора РФ, в первую очередь содержащих общепризнанные принципы, над нормами законов РФ. Однако при этом Конституция не дает ответа на вопрос об иерархии общепризнанных принципов и норм, содержащихся не в международных договорах РФ, а в общепризнанных обычаях. Среди общепризнанных принципов выделяют нормы *jus cogens* (лат. императивные нормы), отклонение от которых недопустимо и которые могут быть изменены только нормой, носящей такой же характер, и обязательства *erga omnes* (лат. относительно всех), отклонение от которых допускается по взаимному согласию лишь строго в определенных случаях. О юридической природе таких норм и перечне некоторых общепризнанных принципов современного международного права идет речь в настоящей публикации.

2. Основное исследование

2.1. Иерархия общепризнанных принципов и норм международного права в российском конституционном законодательстве

В отечественной доктрине анализ соотношения международного и внутригосударственного права традиционно начинается с рассмотрения п. 4 ст. 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». С позиций международно-правовой доктрины в отношении процитированных конституционных положений необходимо отметить следующее.

Первое. Указанное положение п. 4 ст. 15 Конституции РФ, на первый взгляд, может породить предположение о примате международного права над внутригосударственным правом России. Однако такая гипотеза опровергается самой Конституцией РФ. Общепризнанные принципы и нормы международного права являются «составной частью правовой системы РФ», однако их иерархия в российской правовой системе самой Конституцией не установлена. Российская правовая система в целом состоит из Конституции, федеральных конституционных законов, федеральных законов, подзаконных актов и иных источников национального права РФ. Согласно п. 1 ст. 15 Конституции, «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации». Поскольку Конституция имеет верховенство над всеми источниками права РФ, то в системе российского права она обладает верховенством над общепризнанными принципами и нормами международного права.

¹ Здесь и далее ссылки на российские нормативно-правовые акты, если не отмечено иное, приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 4 апреля, 2021. <http://www.consultant.ru>.

Второе и главное. Большая часть общепризнанных принципов и норм международного права не закреплена в универсальных международных договорах, а состоит из правил международно-правовых обычаев (об этом далее). В Конституции прямо устанавливается приоритет положений международных договоров РФ над нормами национального законодательства, но при этом ничего не говорится об иной форме обязательств России по международному праву, а именно об обязательствах, вытекающих из международных обычаев. Поскольку в Основном Законе страны обходится молчанием вопрос о соотношении или иерархии норм закона и правил обязательного для России международного обычая (в отличие от закрепляемого верховенства положений международных договоров РФ), то формально-логически следует предположение о приоритете норм закона над правилами международного обычая. Таким образом, если нормы общепризнанного международного обычая «устанавливают иные правила, чем предусмотрены законом» Российской Федерации, то тем самым должны применяться правила закона Российской Федерации. Более того, если Российская Федерация в иной форме, чем законодательная, выражает согласие на обязательность правил международного обычая, содержащего общепризнанные нормы международного права (т. е. *opinio juris*, или признание в качестве правовой нормы), то впоследствии в России может быть принят закон, положения которого также будут иметь верховенство над нормами такого общепризнанного обычая.

Изложенное не следует относить к разряду чисто теоретических рассуждений, оторванных от реалий межгосударственных отношений. Вполне вероятно ситуация, когда в стремлении закрепить в международном праве определенные принципы и нормы государства-участники принимают их не путем заключения международного соглашения, а в форме принятия политического акта, который впоследствии становится для них обязательным в форме международного обычая. Примером этому служит Хельсинкский заключительный акт 1975 г.², не имеющий формы международного договора, однако его положения приобрели характер общепризнанных принципов современного международного права для подавляющего числа государств путем соответствующих заявлений уполномоченных лиц или органов либо включения в межгосударственные соглашения принципов Хельсинкского заключительного акта и признания для них его обязательной силы. Как известно, в Хельсинкском заключительном акте 1975 г., наряду с установленными в Уставе ООН семью принципами³, закреплены три новых принципа: территориальной целостности государств, нерушимости границ и соблюдения основных прав и свобод человека. В связи с этим закономерен вопрос: имеют ли установленные в трех указанных принципах Хельсинкского акта правила общепризнанных международных обычаев приоритет над нормами законов РФ? Закрепленная в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.⁴, казалось бы, «спасительная клаузула» (ст. 27 Конвенции) не дает разрешения рассматриваемой коллизии, так как воспре-

² Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Дата обращения 26 мая, 2019. <https://ria.ru/20200801/1575157436.html>.

³ Устав Организации Объединенных Наций. 1945. Дата обращения 4 июня, 2019. <https://www.un.org/ru/charter-united-nations>.

⁴ Венская конвенция о праве международных договоров. 1969. Дата обращения 29 апреля, 2021. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

щает ссылаться на нормы национального закона как на основание для невыполнения обязательств по международному договору, но не обязательств по международному обычаю.

Наконец, последнее, на что уже указывалось в научной литературе и актах правоприменительных органов (например, в ч. 2 п. 5 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»). В процитированной статье Конституции фразу «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила» следовало изложить в редакции «если ратифицированным международным договором РФ установлены иные правила». В соответствии с материалами Секретариата ООН⁵, согласие на обязательность абсолютного большинства (около 80 %) международных договоров (Талалаев 1980, 143) не требует процедуры ратификации со стороны их участников. Ратификации подлежат международные соглашения лишь по наиболее важным вопросам. Российская Федерация в этом отношении не является исключением.

Согласно ст. 15 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах РФ», обязательной ратификации подлежат заключаемые Россией международные договоры по определенному кругу вопросов (требующих изменения действующего законодательства, влекущих изменение территории РФ и т. д.), по которым уполномоченные лица и органы РФ могут заключать международные договоры не путем подписания, а с обязательным условием их ратификации. Согласно ст. 106 Конституции РФ, ратификация международных договоров РФ как одна из стадий заключения договора осуществляется в форме принятия федерального закона. В случае нарушения конституционного порядка принятия закона о ратификации международного договора такие законы могут быть признаны не соответствующими Конституции РФ по решению Конституционного Суда РФ⁶, что будет означать отсутствие ратификации со стороны России такого международного договора. Согласно ст. 91 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», Конституционный Суд РФ может осуществлять проверку конституционности международных договоров РФ, не вступивших в силу. Однако после вступления в силу соответствующего международного договора Суд может принять решение о соответствии Конституции РФ не самого договора, а конституционности принятия закона о ратификации такого международного договора. Признание Судом несоответствия Конституции РФ закона о ратификации международного договора, по существу, означает отсутствие ратификации Россией такого договора, а значит, и отсутствие юридической силы для России этого договора. Вместе с тем такое решение Конституционного Суда РФ будет означать принятие акта внутригосударственного действия, для придания ему международно-правовых последствий необходимо соответствующее официальное

⁵ Согласно ст. 102 Устава ООН все международные договоры между государствами — членами Организации подлежат регистрации в Секретариате ООН.

⁶ Здесь и далее в правописании названий органов власти, государственных объединений и их органов автор статьи следует не словарной норме (Конституционный суд, Европейский союз, Международный суд ООН и др.), а варианту, закрепленному в нормативных актах (Конституционный Суд, Европейский Союз, Международный Суд ООН и др.). — *Ред.*

заявление уполномоченных лиц. Подобные ситуации не считаются нарушением международного права или взятых обязательств по международному праву, так как обязательства, по существу, еще не взяты. В таком случае, согласно положениям ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (нарушение нормы внутреннего права особо важного значения, касающейся компетенции заключения договора), возникают основания для оспаривания действительности такого международного договора.

В практике Российской Федерации имеются подобные прецеденты. В этом можно убедиться, в частности, на примере нарушения конституционного порядка принятия федерального закона о ратификации так называемого Большого договора с Украиной 1997 г., что проявилось в принятии Государственной Думой РФ и Советом Федерации постановления о принятии данного закона в несовпадающих формулировках. В своем постановлении Совет Федерации поменял безусловную ратификацию на ратификацию условную, тем самым внося изменения в принятый Государственной Думой Федеральный закон о ратификации Договора между Россией и Украиной 1997 г. (Кремнев 2005, 76–87). Более того, нарушения конституционного законодательства при ратификации договора были допущены и Украиной (Кремнев 2005, 88–89), что, с учетом указанных нарушений со стороны Российской Федерации, создавало в свое время очевидные основания для правомерной постановки вопроса о недействительности Договора между Россией и Украиной 1997 г. Однако теоретико-доктринальный анализ о возможности применения в рассматриваемом случае принципа эстоппель к Договору между Россией и Украиной 1997 г. уже утратил практическую значимость, так как Украина и без того денонсировала данный Договор 10.12.2018⁷.

С учетом рассмотренного, без закрепления в п. 4 ст. 15 Конституции РФ формулировки «ратифицированные международные договоры РФ», т.е. такие, согласие на обязательность которых было выражено в форме принятия федерального закона, исполнительная власть России приобретает конституционные полномочия на заключение международных договоров, которые имели бы приоритет над нормами, устанавливаемыми законодательной властью РФ. Это, в свою очередь, нарушает установленный в Конституции РФ принцип разделения властей.

Отмеченное следует отнести к несовершенству, недоработке формулировки рассмотренных положений действующей российской Конституции.

Таким образом, на основании проведенного теоретико-правового анализа можно предложить следующую редакцию п. 4 ст. 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если ратифицированным международным договором РФ или общепризнанным международным обычаем, имеющим для России обязательную силу, установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила ратифицированного международного договора или такого международного обычая».

⁷ Украина разорвала Договор с Россией. 2018. Дата обращения 26 мая, 2019. <https://info24.ru/news/ukraina-razorvala-dogovor-o-druzhbe-s-rossiej-cto-jeto-znachit.html>.

2.2. Юридическая природа (содержание) норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes*

Общепризнанными принципами и нормами современного международного права являются принципы и нормы общего международного права, признанные международным сообществом государств в целом, выражающие основополагающее содержание международного права и обладающие высшей юридической силой. Общепризнанные принципы и нормы международного права отражают и защищают фундаментальные, основополагающие ценности современного мирового правопорядка — такой тезис подтверждается как в решениях международных судов, так и в бесчисленных научных исследованиях⁸. Наряду с данным постулатом к общепринятому в правовой науке мнению относится и иерархическое превосходство *jus cogens* над другими положениями и нормами международного права (Hainnikainen 1988; Koskenniemi 1997; Hejer, Wift 2015; Costelloe 2017). Термины могут использоваться различные, например знаменитое высказывание суда первой инстанции — Суда Европейского Союза «корпус более высоких норм международного публичного права» (A/CN.4/706. Para. 25) либо «высшее иерархическое положение ко всем другим обычно-правовым или договорным нормам» (A/CN.4/706. Para. 26), однако убеждение в иерархическом превосходстве *jus cogens* общепризнанно.

В Шестом комитете ООН и Комиссии международного права ООН (далее — Комиссия, КМП) неоднократно утверждалось: в мировой доктрине международного права в целом признано, что общепризнанные принципы и нормы общего международного права составляют нормы *jus cogens* — императивные или когентные нормы и обязательства *erga omnes* — обязательства перед всеми, перед всем международным сообществом и каждым государством в отдельности (A/CN.4/706. Paras 40–47; A/CN.4/714. Paras 103–111).

Для целей идентификации императивной нормы служит общепринятое в академической литературе определение *jus cogens*, установленное в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.:

Императивной нормой общего международного права является норма, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

В этой формулировке каждое понятие имеет свой сокровенный смысл.

Прежде всего, обратим внимание на слова «общее международное право». Определение этого понятия нигде не дается, оно принимается как данность. Наиболее распространена позиция, согласно которой общее международное право есть международно-правовые обычаи или «наиболее очевидное проявление» общего международного права (Kelsen 1952, 17). Такой вывод следует из правовой доктрины (Cassese 2012, 164), заявлений государств на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и многочисленных решений международных и национальных судов

⁸ International Law Commission. Sixty-ninth Session. Second report on *jus cogens* by Dire Tladi, Special Rapporteur. Paras 20–22. (A/CN.4/706). 2017. Здесь и далее все ссылки на международные нормативно-правовые акты Комиссии международного права приводятся по: International Law Commission. Дата обращения 4 июня, 2019. <http://www.legal.un.org>.

(A/CN.4/706. Paras 44–46). Вместе с тем трудно отрицать, что с эпохи научно-технической революции и развития международного права в областях, не затронутых прежде международно-правовым регулированием (космическое право, международное экологическое право, ограничение вооружений, защита основных прав и свобод человека, борьба с международным терроризмом и т. п.), роль международного договора неизменно возрастает. Более того, в отечественной правовой науке распространено мнение, что в современный период развития международного права основным его источником является международный договор, а «на долю обычая [остается] лишь подчиненная роль» (Тункин 1970, 155–156).

Как известно, лаконичная структура международно-правового обычая заключается в формуле: «всеобщая практика + *opinio juris*». Доказательствами *opinio juris*, т. е. признания правил обычая в качестве обязательных для конкретного государства, являются: публичные заявления от имени государства, включение в национальное законодательство, правительственные юридические заключения, дипломатическая переписка, решение национального суда. К подтверждению существования обычаев также можно отнести решения международных судов и трибуналов, а в некоторой части и правовую доктрину. Но в любом случае согласительная природа современного международного права, помимо договорного права, применима и при формировании международных обычаев — юридическая обязательность международно-правового обычая для конкретного государства требует доказательств в каждом конкретном случае. Концепция «молчаливого согласия государства» может быть не всегда состоятельной в силу отсутствия интереса у государства к формирующемуся обычаю, тем более в ситуации «последовательно возражающего государства» (A/CN.4/717; A/CN.4/682). В КМП отмечалось, что существование нормы о настойчиво возражающем государстве широко признано в правовой доктрине (A/CN.4/682. Fn. 213). По словам Х. Уолдока, «мнение большинства юристов-международников заключается в том, что, когда устанавливается обычай, отвечающий положениям, содержащимся в ст. 38 [Статута Международного Суда ООН], он представляет собой общую норму международного права, которая с учетом одной оговорки применяется к любому государству. Эта оговорка касается случая, когда государство, в то время как обычай находится в процессе формирования, однозначно и настойчиво фиксирует свое возражение относительно признания этой практики в качестве правовой нормы» (A/CN.4/682. Para. 88). Следует согласиться с тем, что «этот принцип прочно утвердился и признан в международном праве» (A/CN.4/682. Para. 88). Таким образом, представляется, что к «общему международному праву» относятся правила международных обычаев и норм универсальных многосторонних международных договоров, признанных в качестве правовой нормы абсолютным большинством стран мира, в том числе ведущими державами, например государствами, входящими в «Большую двадцатку» (G20).

Интересно и само применение не одного, а двух терминов: «принимаемая» (*accepted*) и «признаваемая» (*recognized*) норма. При обсуждении ст. 53 Конвенции 1969 г. на дипломатической конференции в Вене Редакционный комитет указал причину употребления этих двух слов: в английском тексте ст. 38 Статута Международного Суда ООН в связи с конвенциями и договорами, а также общими принципами права используется слово *recognized*, а в связи с международно-правовым обычаем — слово *accepted* (A/CN.4/706. Para. 67).

Термин «международное сообщество государств в целом» (включая негосударственные субъекты) также предлагался и обсуждался в КМП (частично и в Шестом комитете). В результате было решено, что прерогатива принятия императивных норм входит в компетенцию прежде всего государств⁹. Словосочетание «государств в целом» не требует признания со стороны всех государств мира, означает близко к «почти всеми государствами». В Шестом комитете для этих целей также предлагалась формулировка «значительное большинство государств» или «весьма значительное большинство государств» (A/CN.4/714. Para. 16), вместе с тем ясное понимание такого количества государств остается неточным. Однако в любом случае трудно представить существование каких-либо общепризнанных принципов и норм общего международного права, не получивших признания со стороны постоянных членов Совета Безопасности ООН (или хотя бы одного из них), ибо кто в этом случае сможет обеспечить выполнение таких принципов и норм?

Далее, слова «отклонение от которой недопустимо» говорят о качестве нормы, которое является, с одной стороны, критерием ее определения, а с другой — последствием такой нормы. Данное установление относится и к договорным нормам¹⁰, и к обычным нормам в случае возникновения новой императивной нормы. В этом и состоит отличие норм *jus cogens* от обязательств *erga omnes* — последние в некоторых случаях могут допускать отклонения по взаимному согласию заинтересованных государств. Таким образом, *jus cogens* — это «содержание», «правовой статус» соответствующих принципов и норм, тогда как обязательства *erga omnes* — «адресаты» или последствия норм *jus cogens* (A/CN.4/714. Para. 109; A/CN.4/714. Fn. 272).

При обсуждении в Шестом комитете и в КМП сложилось общее убеждение в том, что основой или основным источником норм *jus cogens* служат международно-правовые обычаи общего международного права (A/CN.4/706; A/CN.4/714. Para. 15), в то время как международные договоры отражают *jus cogens* или в незначительных количествах служат свидетельством/источником его существования (A/CN.4/706. Paras 56–59). Между тем в отечественной доктрине высказывались и иные мнения об очередности источников международного права в процессе формирования императивных норм: «...нормы договоров и/или обычаев» (Тункин 1970, 181; Шестаков 1981, 64). Подобная бивалентная конструкция содержит в себе определенные трудности. Так, если доказательством или степенью признания договорных норм является участие в универсальных международных договорах, то, как уже отмечалось, признание обычая требует необходимых доказательств существования единой практики и принятия таковой в качестве правовой нормы со стороны не только отдельных государств, но и «весьма значительного большинства государств» (A/CN.4/714. Para. 16). В связи с этим представляется, что в большинстве случаев установление *jus cogens* в форме обычаев может происходить в рамках или посредством международных организаций.

Кроме того, в Шестом комитете высказывались мнения о том, что общие принципы права в определенной степени могут являться основой *jus cogens*. Однако большинство делегаций государств (Австрия, Франция и др.) выступили против

⁹ Ежегодник Комиссии международного права. 1982, т. 2, ч. 2. Дата обращения 28 апреля, 2021. <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789213624296>.

¹⁰ Международный договор, противоречащий нормам *jus cogens*, является ничтожным; кроме того, недопустимы оговорки к некоторым соглашениям, что предусматривается в тексте такого соглашения.

такого предположения (АС.6/72/SR.25. Paras 43, 78), оно не получило поддержки (A/CN.4/714. Para. 15); отмечалась «наблюдаемая в реальной практике государств скудость случаев, когда общие принципы права объявляются основой для *jus cogens*» (A/CN.4/706. Para. 51). В результате КМП пришла к выводу о том, что общие принципы права «могут лишь охватываться общим международным правом» (A/CN.4/706. Para. 52) или иначе включать их, однако нет убеждения в том, что они «составляют или входят в основу *jus cogens*». В формулировке п. «с» ст. 38 Статута Международного Суда¹¹ «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» ключевым словом следует считать слово «признанные» нациями (государствами). Определяющее значение, как представляется, имеет фактор «правовой семьи» или «правовой системы», в немалой зависимости от которого находится правовая позиция какого-либо конкретного государства. Так, определенные различия существуют между романо-германской правовой семьей (правовая система большинства стран континентальной Европы) и близкой ей англосаксонской правовой системой. Эти отличия становятся более заметными с японской, китайской правовыми семьями, но наибольшие различия наблюдаются с мусульманской правовой системой, преимущественную основу которой составляют нормы и предписания шариата (Давид, Жоффре-Спинози 2009; Лафитский 2010–2011; Тихомиров 1996), в том числе по правам человека (Сюкияйнен 2014).

Такие различия могут быть рассмотрены, в частности, на примере участия государств в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.¹² и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.¹³ Положения Пакта о гражданских и политических правах, касающиеся недопущения дискриминации по признакам пола (ст. 3 Пакта), религии (п. 1 ст. 18 Пакта), а также равенства мужчин и женщин в браке (п. 2, 3 Пакта), относятся к цели договора: «Участвующие в настоящем Пакте государства, принимая во внимание, что в соответствии с принципами, провозглашенными Уставом Организации Объединенных Наций, признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых их прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...» (Преамбула Пакта). В соответствии с Венской конвенцией 1969 г., недопустимо делать оговорки, несовместимые с объектом и целью договора (ст. 19 Конвенции). Между тем некоторые мусульманские государства, такие как Королевство Бахрейн, Катар, Мавритания¹⁴, при присоединении к данному Пакту 1966 г. сделали оговорки о верховенстве на территории их стран норм и предписаний шариата над положениями Пакта о недопустимости дискриминации по признакам пола, религии, равенства в браке. Иными словами, указанные государства сделали оговорки к цели и предмету договора, против чего с решительными возражениями выступили ряд государств — участников Пакта (Латвия, Польша,

¹¹ Статут Международного Суда ООН. 1945. Дата обращения 4 июня, 2019. <https://www.un.org/ru/iccj/statut.shtml>.

¹² Международный пакт о гражданских и политических правах. 1966. Дата обращения 4 июня, 2019. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

¹³ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. 1979. Дата обращения 4 июня, 2019. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

¹⁴ В то же время страны, в которых ислам традиционно выступает сильной государственной религией, такие как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, попросту не являются участниками Пакта.

Нидерланды, Словакия, Швейцария, Швеция и др.). К предмету и цели Конвенции о недопущении всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. следует относить положения об одинаковых с мужчинами политических (ст. 7 Конвенции) и гражданских (ст. 15 Конвенции) правах, о ликвидации дискриминации в отношении приобретения, об изменении и сохранении гражданства женщин (ст. 9 Конвенции), о праве на свободное вступление в брак и об одинаковых правах и обязанностях в период брака и при его расторжении (ст. 16 Конвенции). При присоединении к Конвенции 1979 г. оговорки по поводу предмета и цели Конвенции как не соответствующих положениям шариата сделали Королевство Бахрейн, Кувейт, Малайзия, Марокко, Оман, Катар, Объединенные Арабские Эмираты. Около 20 государств (Австрия, Бельгия, Греция, Германия, Италия, Финляндия, Чехия и др.) в той или иной форме возражали против таких оговорок. В результате даже среди мусульманских государств, которые не делали таких оговорок, объем прав и обязательств по Конвенции в 1979 г. является различным.

Таким образом, приведенные примеры верховенства норм и предписаний шариата над необходимостью соблюдения взятых по договору обязательств (в случае коллизии между ними) демонстрирует порой существенные отличия между содержанием и толкованием принципов права в разных правовых системах. Поэтому не удивительно, что в практике Международного Суда ООН трудно найти решение, в котором в качестве нормативного обоснования применяются общие принципы права. В отечественной доктрине широко распространено мнение о том, что общие принципы права — это «ненормативные положения, имеющие... значение для применения норм действующего права... и [входящие] в международное право через договор или обычай» (Тункин 1970, 230). В целом общие принципы права можно квалифицировать в качестве юридико-технических способов толкования норм права.

Обязательства *erga omnes*, в свою очередь, должны быть признаны абсолютным большинством государств мира (включая ведущие державы), отклонение от соблюдения таких норм допускается в отдельных случаях по взаимному согласию государств. Например, в Хельсинкском акте 1975 г. установлен принцип нерушимости границ, сложившихся по результатам Второй мировой войны: «Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы». Однако данный принцип нерушимости границ запрещает лишь неправомерный захват территории или части территории другого государства и отнюдь не лишает заинтересованные сопредельные страны права изменять границы между собой на основе соответствующего договора.

Таким образом, взаимосвязь *jus cogens* и обязательств *erga omnes* состоит в том, что по своей правовой природе все нормы *jus cogens* входят в круг норм или являются обязательствами *erga omnes*, тогда как не все обязательства *erga omnes* являются нормами *jus cogens*. Данный подход общепризнан в зарубежной научной литературе¹⁵ и распространен в отечественной доктрине (Черниченко 2014, 99; Леонов, Споршев 2018, 153).

¹⁵ «Классическим способом образного описания связи между обязательствами *erga omnes* и нормами *jus cogens*... служат два концентрических круга: категория норм, налагающих обязательства *erga omnes*, соответствовала бы кругу большего радиуса, который содержит все императивные нормы, но не ограничивается только ими» (Villalpando 2005, 107).

К общему международному праву относится положение о том, что в случае нарушения общепризнанных принципов и норм общего международного права обязанность всех государств состоит в том, чтобы не признавать в качестве правомерной ситуацию, сложившуюся в результате такого нарушения, не оказывать помощи или содействия виновному государству в сохранении такого положения, сотрудничать с целью положить конец такому нарушению. Данное установление признано обычной нормой общего международного права и закреплено в Проекте статей об ответственности государств, подготовленном КМП (ст. 41 A/RES/56/83).

2.3. Российская доктрина основных принципов международного права

В настоящее время не существует кодифицированного либо признанного перечня общепризнанных принципов и норм международного права, есть лишь разрозненные ссылки на отдельные такие принципы и нормы. В Шестом комитете ООН состоялось обсуждение уже трех докладов КМП по теме «Императивные нормы международного права (*jus cogens*)», в которых поднимался вопрос о целесообразности и возможности формирования «иллюстративного перечня норм *jus cogens*». Позиции государств при этом разделились, ряд стран высказались против, в частности Россия, Германия, Испания, Нидерланды, Польша, Австралия (A/CN.4/714. Para. 18, fn. 56), признавая, что к этому весьма сложному и «чувствительному» вопросу международного права следует подходить взвешенно и осторожно. По проблематике императивных принципов и норм имеются лишь обширные исследования в доктрине и решения международных судов, в то время как существующая межгосударственная практика носит ограниченный характер, что затрудняет получение обоснованных выводов.

В отечественной правовой науке широко распространена концепция, согласно которой к общепризнанным принципам и нормам международного права в первую очередь относится система «основных принципов международного права». Собственно словосочетание «основные принципы международного права» было воспринято отечественной наукой в редакции Хельсинкского заключительного акта 1975 г. — *basic principles of international law*, тогда как в западных (англоязычных) правовых источниках наиболее употребителен термин *generally recognized principles of international law*. Характерно, что к числу императивных принципов и норм международного права отечественная наука практически единодушно¹⁶ относит прежде всего «десять основных принципов международного права», закрепленных в Уставе ООН и Хельсинкском заключительном акте 1975 г. Вместе с тем авторитетные и серьезные исследователи этой проблемы отечественной доктрины международного права (Алексидзе 1982; Шестаков 1981) относят к императивным только семь принципов Устава ООН:

- равноправия и самоопределения народов;
- суверенного равенства государств;
- добросовестного выполнения обязательств по Уставу ООН;
- разрешения международных споров мирными средствами;

¹⁶ См. академический «Курс международного права» (Лукашук 1989), а также почти все университетские курсы и учебные пособия по международному праву.

- воздержания в международных отношениях от угрозы силой или ее применения;
- сотрудничества государств (для достижения целей ООН);
- невмешательства во внутренние дела.

Согласно ст. 103 Устава ООН, если обязательства государств — членов ООН по ее Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, то преимущественную силу имеют обязательства по Уставу ООН. В настоящее время членами ООН являются почти все страны мира — 193 государства. Таким образом, перечисленные семь принципов признаны международным сообществом государств в целом и имеют высшую юридическую силу.

В Хельсинкском заключительном акте 1975 г. (декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях), наряду с указанными семью принципами, указаны три дополнительных:

- нерушимости границ;
- территориальной целостности государств;
- уважения прав и основных свобод человека.

Как известно, Хельсинкский акт 1975 г. был заключен в качестве политического документа, а не в форме международного договора. Однако в течение непродолжительного времени после его подписания уполномоченные лица абсолютного большинства государств-участников сделали официальные заявления о том, что они считают содержащиеся в нем принципы юридически обязательными для своих государств, или *opinio juris*. Более того, на принципы Хельсинкского акта как на обязательные международно-правовые нормы начали ссылаться государства других регионов, их также стали включать в универсальные многосторонние и двусторонние международно-правовые соглашения. Тем самым десять принципов Хельсинкского заключительного акта (наряду с договорным закреплением в Уставе ООН семи принципов) также приобрели характер общепризнанных норм международного права в качестве международного обычая. Представляются несостоятельными и необоснованными заявления о том, что некоторые государства, в частности США, «никогда не признавали юридической обязательности Хельсинкского акта 1975 г.» (Гидирим 2014, 353). В качестве обоснования этого можно указать следующее. Принцип территориальной целостности государств в качестве самостоятельного и отдельного принципа впервые закреплен именно в Хельсинкском акте 1975 г. В Уставе ООН и Декларации принципов международного права 1970 г.¹⁷ норма о территориальной целостности государств является составной частью принципа «воздержания от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций» (ст. 2 Устава). Многие государства, в том числе США, применительно к ситуации в Южной Осетии и Абхазии 2008 г. и Крыму 2014 г. сделали официальные заявления о нарушении территориальной целостности Грузии и Украины не в связи с «нарушением Устава ООН», а именно в связи с «нарушением установленного в Хель-

¹⁷ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. 1970. Дата обращения 4 июня, 2019. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

синкском акте принципа территориальной целостности государств»¹⁸. Полагаем, что такие заявления свидетельствуют о признании юридической обязательности (в том числе для самих государств-заявителей) принципов Хельсинкского заключительного акта 1975 г.

Содержание и значение всех названных основных принципов серьезно и обстоятельно проанализированы в отечественной международно-правовой науке (Алексидзе 1982; Лукашук 2005; Черниченко 1999; Шестаков 1981), что избавляет от необходимости останавливаться на их дополнительном рассмотрении.

2.4. Некоторые общепризнанные нормы и обязательства, содержащиеся в современном международном праве

С учетом преобладающего участия государств мира в международных договорах, закрепляющих принципы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*, на основе решений Международного Суда ООН, материалов Комиссии международного права и собственного анализа, наряду с вышеуказанными десятью принципами, автор настоящей статьи считает возможным причислить к общепризнанным принципам современного международного права некоторые следующие принципы и нормы.

2.4.1. Принципы *jus cogens*

2.4.1.1. Недопустимость геноцида

В Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.¹⁹ участвуют 149 государств, еще 41 государство подписало его под условием ратификации. Международный Суд ООН в решении 1996 г. по делу «Босния и Герцеговина против Югославии» указал, что независимо от участия в Конвенции по геноциду 1948 г. ее нормы представляют собой права и обязательства *erga omnes* (I. C. J. Rep. 1996. Para. 31). Преступление геноцида также закреплено в ст. 6 Статута Международного уголовного суда (далее — МУС)²⁰. Помимо Международного Суда и МУС, дела о преступлении геноцида рассматривались в Международном трибунале по бывшей Югославии, Международном трибунале по Руанде (Русанов 2016), Европейском суде по правам человека, Чрезвычайных палатах в судах Камбоджи (на основе договора между ООН и правительством Камбоджи от 06.06.2003), Специальном суде по Сьерра-Леоне, учрежденном ООН совместно с правительством Сьерра-Леоне (Кочои, Хасан 2016). В рамках ООН учреждена миссия Специального советника Генерального Секретаря по предупреждению геноцида²¹.

¹⁸ Crimea Declaration: Statement by Secretary Pompeo, July 24, 2018. Дата обращения 26 июня, 2021. <https://ua.usembassy.gov/crimea-declaration-statement-by-secretary-pompeo/>; Ukraine: Statement by G7 Foreign Ministers. Brussels, March 18, 2021. Дата обращения 26 июня, 2021. https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/95218/node/95218_pt.

¹⁹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. 1948. Дата обращения 9 декабря, 2018. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml.

²⁰ Римский статут Международного уголовного суда. 1988. С изм. на основе протоколов от 10.11.1998, 12.07.1999, 30.11.1999, 08.05.2000, 17.01.2001 и 16.01.2002. Дата обращения 4 июня, 2019. [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf).

²¹ Genocide prevention. N. d. Дата обращения 26 июня, 2019. <https://www.un.org/en/genocideprevention>.

2.4.1.2. Запрещение использования химического оружия

В действующей всеобъемлющей Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г. участвуют 193 государства (из государств — членов ООН не участвует только КНДР). Характерно, что ко всем статьям Конвенции недопустимы любые оговорки. Возможен выход из этой Конвенции в условиях чрезвычайных событий, поставивших под угрозу высшие интересы страны с условием обязательного уведомления об этом Совета Безопасности ООН (ст. 22 Конвенции). Однако недавние инциденты применения химических отравляющих веществ в вооруженном конфликте в Сирии и решительное осуждение этих инцидентов в рамках Генеральной Ассамблеи и особенно в Совете Безопасности ООН²² дают все основания полагать, что международное сообщество пришло к решению о неприемлемости использования химического оружия ни при каких обстоятельствах.

2.4.1.3. Недопустимость пыток

Норма о недопустимости пыток широко признана в рамках ООН, ряде решений международных судов (I. C. J. Reports 2012. Para. 99) и трибуналов²³, включена в национальное законодательство абсолютного большинства государств²⁴, закреплена в Женевских конвенциях 1949 г. о защите жертв войны, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и заключенной под эгидой ООН Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. (около 160 государств-участников). В ряде решений национальных судов утверждалось, что положение о запрете пыток носит абсолютно запретительный характер и относится к нормам *jus cogens* (A/CN.4/693, A/CN.4/706).

2.4.1.4. Недопустимость рабства и расовой дискриминации

Принцип недопустимости рабства, работорговли и расовой дискриминации неоднократно указывался как несовместимый с общепризнанным международным правом в рамках ООН (ЭКОСОС, Шестой комитет), а также закреплён в действующих Конвенции о рабстве 1926 г., Протоколе 1955 г. и Дополнительной конвенции об упразднении рабства 1956 г. (участвует большинство государств). В ходе подготовки Проекта статей об ответственности государств в разделе «Серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» к числу таких норм определено отнесено преступление рабства и работорговли в качестве международного обычая (A/56/10. Дополнение 10).

²² Сирия присоединилась 14.09.2013 к Конвенции 1993 г. фактически под угрозой применения силы и передала свои арсеналы химического оружия для уничтожения под международным контролем.

²³ *Prosecutor v. Furundžija*, Case No. IT-95-17/1-T, Trial Chamber, Judgment of 10 December 1998. Paras 153, 154.

²⁴ Association for the prevention of torture, compilation of torture laws. N. d. Дата обращения 14 ноября, 2019. <https://apt.ch/en/resources/compilation-of-torture-laws>.

2.4.1.5. Запрещение апартеида

За установление режима и проведение преступной политики апартеида по Резолюции Совета Безопасности ООН от 29.05.1968 № 253 приняты санкции против Южной Родезии — фактически полная политико-экономическая изоляция, а полномочия делегации ЮАР в ООН были временно приостановлены решением Генеральной Ассамблеи от 05.10.1973. Под эгидой ООН принята Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г., в которой участвуют 109 государств, 31 государство подписало ее под условием ратификации. Преступление апартеида входит в состав преступления против человечности Статута МУС (ст. 7), а также относится к «серьезным нарушениям обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» Проекта статей об ответственности государств (Лукашук 2004, 272).

2.4.2. Обязательства *erga omnes*

В дополнение к ранее упомянутым трем принципам Хельсинкского акта 1975 г. (территориальной целостности государств, нерушимости границ и соблюдения основных прав и свобод человека) к обязательствам *erga omnes* следует относить следующие.

2.4.2.1. Военные преступления

Положения Женевских конвенций 1949 г. являются обязательными для всех государств мира (196 участников), в них установлены императивные нормы, касающиеся серьезных нарушений этих конвенций в категоричных формулировках: «... всегда и всюду будут запрещаться... нападение и убийство мирного населения, взятие заложников, проведение медицинских опытов над людьми» (общая ст. 3 к Женевским конвенциям (далее — ЖК) 1949 г., ст. 51 Дополнительного протокола I 1977 г.). В концентрированном виде они перечислены в ст. 8 Статута МУС «Военные преступления» на четырех страницах. В связи со всеобщим признанием категоричности установлений военные преступления следовало бы отнести к нормам *jus cogens* (Давид 2000, 82–85), однако все четыре ЖК 1949 г. допускают возможность их односторонней денонсации (ст. 63 ЖК I, ст. 62 ЖК II, ст. 158 ЖК III, ст. 99 ЖК IV соответственно), т. е. возможность отклонений от таких норм. В пользу императивного характера положений о военных преступлениях свидетельствует установление: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать настоящую Конвенцию» (общая ст. 1 всех четырех ЖК). Кроме того, соответствующие положения Конвенций 1949 г. прямо устанавливают принцип универсальной юрисдикции для государств — участников Конвенций (т. е. всего международного сообщества) — обязанности «разыскивать лиц», обвиняемых в совершении военных преступлений и «предавать их своему суду» независимо от их гражданства (ст. 49 ЖК I, ст. 50 ЖК II, ст. 129 ЖК III, ст. 146 ЖК IV соответственно).

2.4.2.2. Принцип дипломатической неприкосновенности

Данный принцип закреплен в многочисленных международных соглашениях: двух кодифицирующих Венских конвенциях о дипломатических сношениях

1961 г. (192 государства-участника) и о консульских сношениях 1963 г. (179 государств-участников), а также Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН 1946 г. (162 государства-участника), Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г. (180 государств-участников). Принцип дипломатической неприкосновенности имплементирован в национальное законодательство и практически без нарушений соблюдается всеми государствами. Наряду с этим практика латиноамериканских государств допускает право предоставления политического убежища в помещениях дипломатического представительства на основе двусторонних соглашений (Черниченко 2014, 99), что расходится с общепринятой практикой.

2.4.2.3. Свобода открытого моря

Данный принцип, главным образом свобода судоходства, затем свобода полетов над открытым морем, в качестве международно-правового обычая получил признание около двух веков назад, впоследствии он приобрел и конвенционный характер. Принцип свобод открытого моря, судоходства, воздушных полетов над ним, рыболовства за внешней границей исключительной экономической зоны прибрежных государств, научных исследований, прокладки подводных кабелей и трубопроводов, возведения искусственных островов и сооружений закреплен в Конвенции об открытом море 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (168 государств-участников).

2.4.2.4. Запрещение пиратства

С большой долей вероятности к обязательствам *erga omnes* можно отнести недопустимость пиратства, или иначе обязательства государств по борьбе с преступлением пиратства, которое признается в качестве обычно-правовой нормы общего международного права в рамках обсуждений в Шестом комитете ООН, а также отмечается в материалах КМП в качестве широко распространенной практики государств. Кроме того, положение о необходимости борьбы с пиратством закреплено в Конвенции об открытом море 1958 г., Конвенции по морскому праву 1982 г., Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. Обоснованием этого принципа является широко применяемая практика использования не только полицейских судов, но и судов военно-морских сил различных государств в борьбе с актами пиратства, особенно против нефтяных танкеров, в районе открытого моря в Малаккском проливе, у берегов Сомали, побережья Западной Африки и других опасных для судоходства районах (Ромашев 2013). Такая практика борьбы с пиратством, в том числе уголовного преследования захваченных пиратов, широко освещается в мировых средствах массовой информации, однако неизвестны случаи, когда какое-либо государство «настойчиво возражало» против этой практики, заявляло о необязательном характере норм о недопущении и борьбы с пиратством в отношении своего государства, а тем более открыто проводило политику совершения актов пиратства. Изложенное можно квалифицировать как консенсуальную форму сформировавшегося между-

народного обычая общего международного права, когда часть стран в явной форме признала, а оставшаяся часть мирового сообщества в молчаливой форме согласилась с принципом недопустимости пиратства и необходимости борьбы с актами пиратства. Как представляется, подобный консенсуальный характер формирования международного обычая в полной мере может быть применен к указанному выше принципу недопустимости рабства и расовой дискриминации.

2.4.2.5. Недопустимость преступлений международного терроризма

Вероятно, этот принцип находится в процессе становления и признания. Состав преступления терроризма и его различные виды закреплены более чем в десяти международных конвенциях. Несмотря на предпринятые попытки, конвенции о международном терроризме на универсальном уровне пока заключить не удалось. Однако события последних лет, что наиболее ярко проявилось в борьбе международного сообщества с ИГИЛ (запрещенной в Российской Федерации организацией), дают основания говорить о становлении принципа недопустимости международного терроризма, который подтверждается единообразной практикой межгосударственных отношений и закрепляется в национальном законодательстве многих государств. Тем самым указанное свидетельствует о формировании и закреплении данного принципа в качестве международно-правового обычая общего международного права, что находит подтверждение в правовой доктрине (Леонов, Споршев 2018, 155–158).

3. Заключение

Применительно к России крайне трудно указать ситуацию или какой-либо общепризнанный принцип или норму международного права, которые получили бы в мире всеобщее признание помимо ее участия. Для приобретения качества общепризнанной нормы общего международного права необходимо согласие на это ведущих государств мира, в первую очередь постоянных членов Совета Безопасности ООН. Российская Федерация выразила свое согласие (от своего имени или в качестве государства — продолжателя СССР) на обязательность всех перечисленных двадцати общепризнанных принципов и норм современного международного права. Согласие было выражено преимущественно в форме заключения международных соглашений, устанавливающих такие принципы и нормы, либо в некоторых случаях в форме признания таких международных обычаев (например, принцип нерушимости границ, принцип недопустимости международного терроризма и борьбы с ним). Права и обязательства, вытекающие из рассмотренных общепризнанных принципов и норм, находятся для России в силе и, как представляется, должны иметь эффект прямого действия. Многие корреспондирующие нормы соответствующих договорных положений или обычаев, налагающие ответственность за их нарушение, имплементированы в российское законодательство, например в Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ: гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод граждан», гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества», ст. 357 «Геноцид», ст. 360 «Нападение на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой», ст. 335 «Разработка,

производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового уничтожения», ст. 227 «Пиратство» и др.

При обсуждении в Шестом комитете ООН вопроса о целесообразности составления иллюстративного перечня принципов и норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes* высказывались опасения, что такой перечень, вероятнее всего, не будет исчерпывающим. Перечень перечисленных и кратко проанализированных в настоящей статье общепризнанных принципов и норм современного международного права, безусловно, не претендует на законченность, завершенность. Данную публикацию следует рассматривать в качестве авторской попытки хотя бы в какой-то мере восполнить вакуум в отечественной правовой доктрине, существующий в изучении данной проблемы.

Библиография

- Алексидзе, Леван А. 1982. *Некоторые вопросы теории международного права. Императивные нормы. Jus cogens*. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета.
- Гидирим, Алексей В. 2014. «Юридическая природа Заключительного акта СБСЕ 1975 г». *Международное право*, отв. ред. Сергей А. Егоров, 352–354. М.: Статут.
- Давид, Рене, Камилла Жоффре-Спинози. 2009. *Основные правовые системы современности*, пер. с фр. М.: Международные отношения.
- Давид, Эрик. 2000. *Принципы права вооруженных конфликтов*. М.: Международный комитет Красного Креста.
- Кочои, Самвел М., Хунар Х. Хасан. 2016. *Преступление геноцида*. М.: Проспект.
- Кремнев, Петр П. 2005. *Распад СССР: международно-правовые проблемы*. М.: Зерцало.
- Лафитский, Владимир И. 2010–2011. *Сравнительное правоведение в образах права: в 2 т.* М.: Статут.
- Леонов, Андрей С., Александр М. Споршев. 2018. «Противодействие международному терроризму как обязательство *erga omnes*». *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского* 2: 151–161.
- Лукашук, Игорь И., ред. 1989. *Курс международного права*, в 7 т. Т. 2: *Основные принципы международного права*. М.: Наука.
- Лукашук, Игорь И. 2004. *Право международной ответственности*. М.: Волтерс Клувер.
- Лукашук, Игорь И. 2005. *Международное право. Общая часть*, 3-е изд. М.: Волтерс Клувер.
- Ромашев, Юрий С. 2013. *Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море. Правовые основы и практика*. М.: Транслит.
- Русанов, Георгий А. 2016. «Преступление геноцида как международное преступление: анализ *corpus delicti*». *Журнал российской права* 7: 141–148.
- Сюкияйнен, Леонид Р. 2014. *Ислам и права человека в диалоге культур и религий*. М.: Садр.
- Талалаев, Анатолий Н. 1980. *Право международных договоров. Общие вопросы*. М.: Международные отношения.
- Тункин, Григорий И. 1970. *Теория международного права*. М.: Международные отношения.
- Черниченко, Станислав В. 1999. *Теория международного права*, в 2 т. Т. 1. М.: НИМП.
- Черниченко, Станислав В. 2014. *Контуры международного права*. М.: Научная книга.
- Шестаков, Лев Н. 1981. *Императивные нормы в системе современного международного права*. М.: Издательство Московского университета.
- Cassese, Antonio. 2012. *The future of international law*. Oxford: Oxford University Press.
- Costelloe, Daniel. 2017. *Legal consequences of peremptory norms in international law*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hainnikainen, Lauri A. 1988. *Peremptory norms (jus cogens) in international law. Historical development, criteria, present status*. Helsinki: Finnish Lawyers' Publ.
- Hejer, Maarten, Harmen Wilt. 2015. "Jus cogens and the humanization and fragmentation of international law". *Netherlands Yearbook of International Law* 46: 3–21.

- Kelsen, Hans. 1952. *Principles of international law*. New York: Rinehart & Co.
- Koskenniemi, Martti. 1997. "Hierarchy in international law: A sketch". *European Journal of International Law* 8: 566–582.
- Villalpando, Santiago. 2005. *L'émergence de la communauté internationale dans de la responsabilité des États*. Paris: Press Universitaires de France.

Статья поступила в редакцию 10 января 2020 г.;
рекомендована в печать 9 июня 2021 г.

Контактная информация:

Кремнев Петр Петрович — д-р юрид. наук; intermsu@rambler.ru

Generally recognized principles and norms of *jus cogens* and *erga omnes* obligations: Legal nature and hierarchy in the Russian legal system

P. P. Kremnev

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Kremnev, Petr P. 2021. "Generally recognized principles and norms of *jus cogens* and *erga omnes* obligations: Legal nature and hierarchy in the Russian legal system". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 783–802. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.318> (In Russian)

The article provides a conceptual and theoretical analysis of the hierarchy of conventional and customary universally recognized principles and norms of international law in relation to the Russian Constitution and federal legislation. The author points out the imperfection of the relevant provisions of the Constitution of the Russian Federation in relation to the generally recognized principles and norms of international law. It is noted that provisions of only ratified treaties of Russia have precedence over the norms of the laws of the Russian Federation and examples and consequences of violations of the procedure for ratification of treaties are provided. The main aspects of the origin and content of generally recognized principles and norms of international law are considered, as well as the difference between *jus cogens* norms and *erga omnes* obligations is shown with concrete examples. A doctrinal analysis of the legal nature, and the process of formation, of universally recognized principles of international law, as well as the relationship between *jus cogens* norms and *erga omnes* obligations is presented. The author notes the peculiarities of some legal systems of the world in relation to the legal position on the supremacy of Islamic Sharia law over the obligations of a number of Muslim States under human rights treaties. The article also points to the universal recognition of the domestic legal doctrine of ten "basic principles" of international law and, in addition, substantiates the existence and consolidation in modern international law of another ten norms of *jus cogens* and *erga omnes* obligations.

Keywords: recognized principles of international law, International Law Commission, *jus cogens* norms, *erga omnes* obligations, international treaties, constitution, Russian federal legislation.

References

- Aleksidze, Levan A. *Some questions on the theory of international law. Peremptory norms. Jus cogens*. Tbilisi, Tbilisskii universitet Publ. (In Russian)
- Cassese, Antonio. 2012. *The future of international law*. Oxford, Oxford University Press.

- Chernichenko, Stanislav V. 1999. *Theory of international law*, in 2 vols, vol. 1. Moscow, NIMP Publ. (In Russian)
- Chernichenko, Stanislav V. 2014. *Contours of international law*. Moscow, Nauchnaia kniga Publ. (In Russian)
- Costelloe, Daniel. 2017. *Legal consequences of peremptory norms in international law*. Cambridge, Cambridge University Press.
- David, Erik. 2000. *Principles of the law of armed conflicts*. Moscow, Mezhdunarodnyi komitet Krasnogo Kresta Publ. (In Russian)
- David, Rene, Kamilla Zhoffre-Spinozi. 2009. *The main legal systems of our time*. Rus. ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Gidirim, Aleksei V. 2014. "The legal nature of the Final Act of the CSCE of 1975". *International Law*, ed. by Sergei A. Egorov, 352–354. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Hainnikainen, Lauri. 1988. *Peremptory norms (jus cogens) in international law. Historical development, criteria, present status*. Helsinki, Finnish Lawyers' Publ.
- Hejer, Maarten, Harmen Wilt. 2015. "Jus cogens and the humanization and fragmentation of international law". *Netherlands Yearbook of International Law* 46: 3–21.
- Kelsen, Hans. 1952. *Principles of international law*. New York, Rinehart & Co.
- Kochoi, Samvel M., Khunar Kh. Khasan. 2016. *The crime of genocide*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Koskenniemi, Martti. 1997. "Hierarchy in international law: A sketch". *European Journal of International Law* 8: 566–582.
- Kremnev, Petr P. 2005. *Dissolution of the USSR: International legal problems*. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russian)
- Lafitskii, Vladimir I. 2010–2011. *Comparative legal studies in the images of law*, in 2 vols. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Leonov, Andrei S., Aleksandr M. Sporshev. 2018. "Countering international terrorism as an 'erga omnes' obligation". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* 2: 151–161. (In Russian)
- Lukashuk, Igor I., ed. 1989. *Course of international law*, in 7 vols. vol. 2: *Basic principles of international law*. Moscow, Nauka Publ.
- Lukashuk, Igor I. 2004. *The law of international responsibility*. Moscow, Volters Kluwer Publ. (In Russian)
- Lukashuk, Igor I. 2005. *International law: General part*. 3rd ed. Moscow, Volters Kluwer Publ. (In Russian)
- Romashev, Iurii S. 2013. *The fight against piracy and armed robbery at sea. Legal framework and practice*. Moscow, Translit Publ. (In Russian)
- Rusanov, Georgii A. 2016. "The crime of genocide as an international crime: Analysis of *corpus delicti*". *Zhurnal rossiiskogo prava* 7: 141–148. (In Russian)
- Siukiainen, Leonid R. 2014. *Islam and human rights in the dialogue of cultures and religions*. Moscow, Sadra Publ. (In Russian)
- Talalae, Anatolii N. 1980. *The law of international treaties. General issue*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Tikhomirov, Iurii A. 1996. *Comparative Law Course*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Tunkin, Grigorii I. 1970. *Theory of international law*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Shestakov, Lev N. 1981. *Peremptory norms in the system of modern international law*. Moscow, Moskovskii universitet Publ. (In Russian)
- Villalpando, Santiago. 2005. *L'émergence de la communauté internationale dans de la responsabilité des États*. Paris, Press Universitaires de France.

Received: January 10, 2020

Accepted: June 9, 2021

Author's information:

Petr P. Kremnev — Dr. Sci. in Law; intermsu@rambler.ru